

2. Водолагин М.А. Очерки истории Волгограда. 1589 – 1967 гг. М. : Наука, 1968.
3. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. 331. Оп. 1.
4. ГАВО. Ф. 233. Оп. 2. Д. 104. Л. 7 – 7 об.
5. Дон и степное Предкавказье XVIII – первой половины XIX в.: заселение и хозяйство / отв. ред. А.П. Пронштейн. Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 1977.
6. Дон и степное Предкавказье XVIII – первой половины XIX в.: социальные отношения, управление, классовая борьба / отв. ред. А.П. Пронштейн. Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 1977.
7. Дружина Е.И. Северное Причерноморье в 1775 – 1800 гг. М., 1959.
8. Елисеева О.И. Григорий Потемкин. М. : Мол. гвардия, 2005.
9. Кабузан В.Н. Народы России в XVIII веке: численность и этнический состав. М. : Наука, 1990.
10. Курышев А.В. Волжское казачье войско (1730 – 1804 гг.): создание, развитие и преобразование в линейные казачьи полки : дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2007.
11. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) : в 2 т. СПб. : Дмитрий Буланин, 2000.
12. Осипов В.А. Саратовский край в XVIII в. Саратов : Сарат. кн. изд-во, 1985.
13. Очерки истории Саратовского Поволжья. Т. 1: С древнейших времен до отмены крепостного права / под ред. И.В. Пороха. Саратов, 1993.
14. Перетяткович Г. Поволжье в XVII и начале XVIII века (Очерки из истории колонизации края). Одесса : Тип. П.А. Зеленого (О.Г. Ульриха), 1882.
15. Перечицкая С.Л. Истоки российской гражданской идентичности: из истории заселения Царицынской округи в конце XVIII века // Формирование российской идентичности средствами гражданско-патриотического воспитания : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (17–18 ноября 2010 г.) / отв. ред. Д.В. Полежаев. М. : Планета, 2011. С. 233 – 237.
16. Перечицкая С.Л. О некоторых особенностях образования Дубовского посада в конце XVIII века (по материалам посадской ратуши) // Стрежень. Волгоград : Издатель, 2010. Вып. 8. С. 175 – 182.
17. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1 (ПСЗ РИ I). СПб., 1830. Т. XXII. № 16210, 16559, 16572, 16650, 16603, 16235.
18. ПСЗ РИ I. Т. XXII. № 16193, 16194, Т. XXIII. № 17230.
19. ПСЗ РИ I. Т. XXII. № 16194, 16233, Т. XXIII. № 17408, Т. XXIV. № 17618.
20. ПСЗ РИ I. Т. XXII. № 16631, 16634, 16559, 16572.
21. Пронштейн А.П. Земля Донская в XVIII веке. Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 1961.

22. Рос. газ. 2011. № 98. 11 мая.
23. Российский государственный архив древних актов. Ф. 600. Оп. 1. Д. 116.

Population of the South of the Russian Empire in the last quarter of the XVIII century

There is shown the work of governor-generals G.A. and P.S. Potemkins, directed at populating and economic development of the lands of new colonization of the Empire south and former border territories of the Astrakhan province in the last quarter of the XVIII century. There is found out the main social basis for regulated public policy – peasants, revealed their role in arrangement of the transport network at the early stage of the reforms.

Key words: *population, economic development, peasants, Volga-Don Perevoloka, North Black Sea coast, official deliveries.*

Д.В. КНЯЗЕВА
(Курган)

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
КРЕСТЬЯНСКИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ
В 1842 – 1843 гг. В ШАДРИНСКОМ
УЕЗДЕ (по материалам очерков
А.Н. Зырянова)**

Описаны результаты сравнительного анализа крестьянских выступлений начала 1840-х гг. в Зауральской провинции (Шадринский уезд Пермской губернии) по материалам преимущественно краеведа-самоучки А.Н. Зырянова, действительного члена Российского географического общества второй половины XIX в.

Ключевые слова: *бунт, воля, государственные крестьяне, «грамотки», «завароха», картофель, крепостное землевладение, помещики, священнослужители, чиновники.*

В 1841 – 1843 гг. в Вятской, Пермской, Оренбургской и Тобольской губерниях прошли мощные волнения государственных крестьян, направленные против реформы П.Д. Киселева, лишавшей крестьян свободных сельских сходов и возможности решения

на них насущных экономических и фискальных вопросов. Община оказывалась в роли исполнительницы при бюрократических органах власти.

Хотя объективно реформа могла бы расчистить почву для более быстрого и непрерывного роста товарно-денежных отношений в государственной деревне, социально-экономическое положение в ней ухудшилось, что и проявилось в вышеупомянутых выступлениях крестьянства [5, с. 255]. В Тобольской губернии антиреформенное движение крестьян не достигло уровня восстания, хотя в 12 волостях Курганского округа весной 1843 г. наблюдались волнения казенных крестьян в форме брожения, передачи «слухов» о возможности потерять «волю» вследствие ожидаемой передачи помещику [3, с. 256]. Подробнее об этом можно прочесть в более ранних исследованиях Н.М. Дружинина и Т.С. Мамсик, а также в работах В.В. Пундани [1; 4; 5]. Задачей же данной статьи являются рассмотрение и анализ работ А.Н. Зырянова, уральского краеведа-самоучки. Речь пойдет о двух его статьях, одна из которых («Шадринский уезд в апреле 1842 г.») была опубликована в «Пермском сборнике» в 1860 г., а вторая – в «Календаре Пермской губернии на 1885 год» и называлась «Крестьянское движение в Шадринском уезде Пермской губернии в 1843 году».

Судя по подстрочному комментарию редакции, вторая статья увидела свет еще раньше, в 1879 г., в журнале «Древняя и Новая Россия». Она ценна уже тем, что это очерк по документам и свидетельствам, которые потом были утрачены вследствие пожара. Об источниках информации А.Н. Зырянов пишет, что они «сверх личных наблюдений взяты <...> частью из архивных дел разных присутственных мест Шадринского уезда, которые исследователь рассматривал в 1852 г., и, что немаловажно, «частью из рассказов очевидцев, современников, помнящих это время свежо и живо» [3, с. 116]. В августе 1870 г. в Шадринске случился большой пожар, уничтоживший в том числе и эти дела, хранившиеся в архиве уездного суда. Все это повышает ценность данных сведений, т.к. иных источников по этому вопросу в данной местности не сохранилось.

Мы считаем возможным и даже необходимым рассматривать эти две статьи в совокупности, поскольку их автор пишет, что волнения 1843 г. были следствием искр 1842 г., и весной они вспыхнули мгновенно и одновременно в разных деревнях. «Еще в первых числах марта 1843 г. возникли между крестьяна-

ми Челябинского уезда, соседнего с Шадринским, открытые толки о том, что “продают их какому-то барину Кульневу”». Ответом на эти известия стали возникающие «самовольные сходы в <...> деревнях, (которые стали) разглашать возмутительные бумаги и оказывать мало-помалу грубость и неповиновение волостному и местному начальству, явно пренебрегая их распоряжениями» (Там же).

Говоря об искрах 1842 г., из которых выросли события 1843 г., Зырянов опирается на события 23 – 25 апреля 1842 г., имевшие начало в большой базарный день «в селе Томакульском Шадринского уезда» [2, с. 13]. Он пишет, что народа там было много, кроме крестьян из округи еще и «много гостей из пограничных селений». Волнения начались в результате слухов «...будто-бы крестьяне проданы какому-то барину и что их сельские власти получили уже приказание о сборе с них огромных повинностей разного рода» (Там же). Крестьяне разнесли эту весть по всей округе, а немедленным последствием ее стала смерть писаря Канахина от побоев крестьян Томакульской волости, у которого они требовали эти мифические бумаги.

24 апреля в селе Широковском Далматовской волости крестьяне стали «требовать от старшины дело о продаже их под барина». Вскоре к ним присоединились мужики «из деревни Тропиной и Нижней Ярской» (Там же).

Безграмотный старшина, пытаясь утихомирить мужиков словесно, послал нарочно о известием о возмущении к Далматовскому голове Игнатию Иванчикову (Там же), который по прибытии «старался убедить толпу в ложности слухов, читал и объяснял им предписания начальства – о распространении картофеля и общественных запасах». Крестьяне не верили ему и кричали, что он сам все это написал, только помощь приходского священника Дмитрия Попова позволила ему уговорить крестьян разойтись и послать от себя нарочных в Шадринск, к тамошнему начальству (Там же, с. 14).

Вообще, если говорить о действиях начальства, то можно отметить стремление его низшего звена (старшин) погасить волнения в самом начале – и в 1842 г., и позднее, в 1843 г., известия о них вышестоящие начальники получали достаточно быстро. Уже 19 марта 1843 г. Пермскому губернатору И.И. Огареву донесли о беспорядках. Он, в свою очередь, передал это известие с эстафетой Оренбургскому губернатору, добавив, что «распространены в народе какие-то бумаги возмути-

тельного свойства, найденные по обыску у одного крестьянина...» [3, с. 117]. Грамотки, по мнению А.Н. Зырянова, были очень безграмотны и бестолковы, до содержания их трудно добраться, но главное, что речь шла о передаче крестьян «какому-то господину Куликову или Кульневу, которому они будто-то бы проданы и должны принадлежать по праву покупки; обещание им тройного жалования и награды крестами и медалями» (Там же, с. 118).

Для крестьян, которые никогда не были в крепостной зависимости, сам факт закабаления был возмутителен. Защищая, хотя и не одобряя действий крестьян, А.Н. Зырянов делает поправку на безграмотность и темноту крестьянскую, поэтому крестьянин и стал осторожен (в зависимости от села и волости), но суть одна: это некие бумаги с орлом и золотым обрезом, подтверждавшие его зависимость.

Зырянов пишет, что в целях самозащиты и самоохраны крестьяне стали вымогать и настоятельно требовать от сельских властей мнимый указ о передаче их «господину» и отказывались подписывать какие-либо бумаги, говоря, что это делается «для барина и ложно». Как же выглядели и могут быть оценены эти бумаги? Вариантов в работе Зырянова достаточно (в зависимости от села и волости), но суть одна: это некие бумаги с орлом и золотым обрезом, в которых зависимость крестьян прописана. А.Н. Зырянов пишет, что авторство бумаг неизвестно и судом не раскрыто. Характер таких «грамоток», как видно из них, «вообще ядовитый, хотя и бессмысленный и написан под тон мужичий, если не безграмотным дураком, то бестолковым негодяем, искавшим смут и безурядья, во вред и гибель благосостоянию и спокойствию массы» (Там же, с. 119).

Попытки Иванчикова разъяснить крестьянам их заблуждения ни к чему не привели. На волостном сходе 25 апреля взволнованные крестьяне села Широковского потребовали от головы «Указ, за Высочайшим подписом на трехрублевом гербовом листе об отчислении их какому-то господину, со взысканием с каждой души с мужиков по 90 рублей и с женщин по 70 рублей, холста и кроме того, по 6 пуд хлеба с души», а потом и «распоряжение о разведении картофеля и о неприкосновенном запасе хлеба» [2, с. 15].

Недоверие к голове возбудило тревогу, а затем речь зашла и о бунте, тем более, что в Далматовском монастыре ударили в набат и жители Далматова разделились: «... одни спрятались в монастыре, а другие бежали к управлению, где уже немалая толпа шумела и волновалась – около 400 человек были готовы на все (Там же, с. 16). Были здесь крестьяне де-

ревень Тропиной, Нижней Ярской, Смирновской, Изотеченской.

Беспорядки разрастались. Линия их развития была примерно одинаковой, действия крестьян в 1842 – 1843 гг. не различались слишком сильно, поэтому мы продолжим их рассматривать совместно. Эти действия были достаточно однотипны, начиная от криков и требований «бумаги с орлом» до битвы всех виновных в ее утаивании и требований «морозить виновных и привязать их к бревну, да и пустить по Исети плавать» (Там же, с. 15). Не остался в стороне и Далматовский монастырь, монахи которого стреляли из пушки (Там же). Крестьяне были напуганы, но желание найти упомянутый указ не оставили. Крестьяне деревни Затеченской требовали от писаря Ивана Добрыдина указ, а не получив его, избili писаря, приговаривая «вы, писаря, разбойники, обирали, обдирали нас, да мало вам этого показалось, дак вы еще нас продали под барина: польстились, что он вам дал жалования, да с позументами кафтаны!» (Там же, с. 16).

Центром и гнездом волнений 1843 г. стала слобода Батуриная, отстоявшая от Шадринска на 25 верст, отсюда по близлежащим селениям направлялись верховые крестьяне, убежденные сами и убеждавшие других в том, что никакого начальства у них теперь нет, кроме «мира, общества, громады <...> которые восстанавливали порядок и законность самосудом» [3, с. 122]. Несмотря на то, что это было опасно для жизни и физического здоровья, представители местной администрации – исправник Черносвитов и окружный начальник Кирхнер, известные своей бойкостью, смелостью и неустрашимостью, попытались усмирить крестьян, «но столкнулись с необычной отвагой и удалью мужичью» (Там же).

На расспросы чиновников они услышали, что не хотят крестьяне «помимо высочайшей воли» быть приписаны к какому-то барину и ищут у попов и дьяков бумаги, которые касаются этого дела. К чиновникам уже явно не было никакого почтения, им в глаза говорили, что они «живодеры», «обдиралы», «миропродавцы» и «мироеды». Картина вышла очень печальной, пишет А.Н. Зырянов. Чиновники, пытаясь не накалять обстановку, перешли на мягкий дружеский тон общения, стремясь возбудить в толпе какое-то сознание и здравомыслие. «Но здравомыслия и сознания, к сожалению, не было уже в народе: полнейшее безумие овладело им» [3, с. 123].

Чтобы не обострять положение дел, Черносвитов и Кирхнер написали бумагу «за общим подписом» о том, что крестьяне не при-

надлежат к крепостному ведомству, а на все остальное они права не имели, о чем и заявили [3, с. 124]. Крестьяне вроде бы успокоились на некоторое время, затем попытались поджечь дом, в котором остановились чиновники, но несколько выстрелов охладили горячие головы, убитых не было (об этом нет сведений), но крестьяне продолжали возмущаться: «Притеснители наши грабят, царя обманут, мир обдерут...» (Там же, с. 125). В итоге чиновники и солдаты оказались заперты в церкви – всего 150 человек (Там же, с. 126). Попытка вызволить их оттуда, предпринятая командой из 70 человек башкир во главе с приставом Ласкиным, окончилась неудачей. «Крестьяне гнали и преследовали их с ревом, гамом и смехом», а затем долго об этом вспоминали, называя башкирцев в насмешку «табуном баранов, выгнанных из киргизской степи» (Там же, с. 130).

Волнения в селе Батурином продолжались до 16 апреля, пока не прибыла рота екатеринбургских солдат (Там же, с. 136). Зырянов подробно рассматривает происходившие события, мы же постараемся дальше отмечать лишь особенности выступлений крестьян других селений, т.к. их общая картина нами уже обозначена. В других селах волнения нарастали, крестьяне никому не верили, даже духовенству, чей авторитет в спокойные времена был высок. Так, в слободе Уксянской пострадали не только братья – священники Шеины, но и их отец, они были избиты и ругались крестьяне над их отцом, как над преступником. На все требования, однако, «духовные дали такой ответ, что того не видано, чего они (крестьяне) ищут, что они были и есть государственные крестьяне, никакому барину государь император Николай Павлович их не отдавал и не отдаст, почему они, веря обманщикам и ложному сказанию, бунтуют без всякой причины» [3, с. 168].

Причины для недовольства у крестьян, конечно, были, но крылись они скорее не в разыскиваемых бумагах, а в отношениях с начальством, писарями, и в частности с духовенством, которые не всегда «служили хорошо», как должно, без поклона к ним не подойдешь. Зырянов же видел в действиях духовенства в дни волнений пример исполнения «долга совести» (Там же, с. 138) и поддерживал их. Положительно оценивая действия администрации, он подробно описывал действия писаря села Мехонского Алексея Тугозвонова, который, хотя и был охотник болтать всякую ерунду, «не был лишен светлого самородного ума, обогатившего, с одной стороны, жизненным опытом, а с другой – начитанностью, “книжками” он любил в молодости заниматься» (Там

же, с. 157). Он смог достаточно быстро и смело прекратить волнения в селе Мехонском – это мужиков настолько отрезвило, «что они не знали, куда от стыда деваться». Арестовали «за раз более 20 человек, и никто из них не посмел оказать даже признака ослушания» (Там же, с. 159). Желавших еще сопротивляться отговаривали: «Не ходите! Нечего делать, наше дело видно неправое; забрали которых уж ревунов, а руки и головы остригли, как колодникам».

Зырянов оценивал описываемое состояние в селах и слободах как «злую смуту, смутное время», когда «каждая деревня, каждое селение за Исетью в Шадринском уезде представляли целое гнездо шмелей-буянов, готовых кусать и жалить без разбора, средств и без меры. Куда не посмотри, куда не кинь взгляд, везде с поразительным согласием было одно и то же; везде кишмя кишела картина разрушения тишины и спокойствия; везде творились крестьянский суд и крестьянская расправа. Словом – был полный хаос» [2, с. 176]. Исходя из изложения событий Зыряновым, можно сделать вывод о том, что «для исхода борьбы остался один путь – употребление силы, так как голые слова и убеждения не оказывали надлежащего действия» [3, с. 181]. Тем временем волнения продолжали шириться, и крестьяне становились все более дерзки в своих требованиях.

18 апреля в районе Верхтеченской слободы состоялось столкновение солдат с крестьянами, в результате которого крестьян разогнали, убитых и раненых насчитали 35 человек (Там же, с. 182). После чего выступления пошли на убыль, т.к. с солдатами крестьяне спорить не могли, хотя иногда имели свои трофеи: попавшие к ним в плен бессрочно отпущенные солдаты были жестоко избиты и брошены в лесу, где нашли их патрули и направили их потом в больницу для излечения (Там же, с. 183). Тем не менее мятежи были прекращены «без особенного затруднения». «Стихло все. Крестьяне ожидали возмездия, расплаты. Настала мертвенная тишина – это предвестница новой бури, бури карательной за грабежи и буйства» (Там же, с. 184).

К 27 апреля все окончательно улеглось. За поступки, противные, по словам Зырянова, «закону и нравственности», было привлечено 4800 человек! (Там же, с. 185). Шпицрутены, ссылка в Сибирь на поселение, солдатчина для тех, кто моложе 35 лет. Для крестьян – палки и тюрьма, сидение на хлебе и воде при волостном правлении до месяца. Растраты, причинные на сумму до 10 тысяч рублей, было реше-

но спросить с виновных лиц с явными доказательствами этого, а казенные суммы – с крестьян [3, с. 186–187].

Интересны, на наш взгляд, и мнения очевидцев данных беспорядков (горожан-шадринцев и самих крестьян), как ни странно, во многом совпадающие, хотя горожане высказывались о выступлениях в самом их начале так: «Да они одурели! Кто это им (крестьянам) натолковал об уделе, которого нет здесь, не было и не будет... С мужиками ведь, как с баранами, скоро не сладишь» (Там же, с. 121). Оценка же выступлений самими восставшими в конце выступлений была такой: «...была, говорят, в старые годы Пугачевщина, да не в пример была легче, а это наша завароха, бунтовка, солона досталась нам... Сами мужики виноваты, без ума сдурели!» (Там же, с. 183).

Эти впечатления поддерживаются и словами очевидца, который в частной беседе с А.Н. Зыряновым в 1852 г., после описания всех бед крестьянских, пытается объяснить причины этих выступлений и говорит так: «Только вот, что говорят наши мужики: что если бы они не бунтовали в 1843 году, то чисто ушли бы все под барина, а то вот отстоялись этой заварохою» (Там же, с. 189–190). Другими словами, недовольство все же осталось, как и недоверие – даже тогда, когда после событий прошло много лет.

А.Н. Зырянов указывает на те причины волнений, которые, по его мнению, действительно имели место. Народ, как ему казалось, «не сочувствовал общественным запашкам, завести которые вдруг от него потребовали <...> противился введению картофеля, не отвечавшего религиозному воззрению на сей овощ раскольников. Народ также изумился при виде форменных кафтанов с галунами и светлыми пуговицами, надетых на писарей и мужиков начальников. Все это вместе взятое, окончательно затуманило крестьянский здравый рассудок» (Там же, с. 117–118). Конечно, данное мнение А.Н. Зырянова субъективно, но ценно тем, что открывает еще одну точку зрения на данные события, сохраняя для нас, пришедших намного позднее, возможность узнать о самом факте происшедшего.

Литература

1. Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева : в 2 т. М.; Л., 1946. Т. 2.
2. Зырянов А.Н. Шадринский уезд в апреле 1842 года // Пермский сборник. Кн. II. Отд. IV. Пермь, 1860.

3. Зырянов А.Н. Крестьянское движение в Шадринском уезде Пермской губернии в 1843 году // Шадринская старина. Краеведческая хрестоматия. Вторая половина XVII – первая половина XIX века. Шадринск, 1996.

4. Мамсик Т.С. Крестьянское движение в Сибири. Вторая четверть XIX века. Новосибирск, 1987.

5. Пундани В.В. Государственная деревня Урала и Западной Сибири во второй половине XVIII – первой половине XIX века. Курган, 1999.

Comparative analysis of peasants' revolt in 1842 – 1843 in the Shadrinsky County (based on the material of the essays by A.N. Zyryanov)

There are described the results of comparative analysis of peasants' revolts at the beginning of 1840s in Trans-Uralian province (Shadrinsky County of Perm province) on the basis of the material of the ethnographer A.N. Zyryanov, full member of the Russian geographic community of the second half of the XIX century.

Key words: riot, freedom, state peasants, potato, feudal land tenure, landlords, clergymen, officials.

И.В. МАКСИМОВА
(Волгоград)

КУЛЬТУРА РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ в конце XIX – начале XX в. (по материалам уездных городов Саратовской губернии)

Рассматриваются особенности формирования и развития культуры российской провинции в эпоху раннеиндустриальной модернизации. По материалам уездных городов Саратовской губернии раскрываются основные факторы складывания и функционирования городской культурной среды.

Ключевые слова: культура провинции, уездный город, модернизация, урбанизация, городская культура индустриального типа.

На современном этапе развития наблюдается всплеск как общественного, так и научно-интереса к различным аспектам провинциальной культуры. Предпринимаются попыт-